

Генерал встал. Подчинённые последовали его примеру. Пятничное совещание закончилось. Отодвигались стулья, закрывались рабочие папки, офицеры потянулись к выходу из просторного кабинета начальника. Их провожали взглядом генерал и — с портрета — президент Российской Федерации, взирая со стены из-за громоздкого стола и огромного кресла начальника управления. — Липницкий, задержитесь, — спокойным голосом обратился генерал к майору, последнему выходящему из кабинета.

Неприятное чувство овладело Липницким. Он знал это чувство внутреннего волнения в груди, под сердцем. Это ощущение виноватости, сделанной глупости, которая будет сейчас обличена и повлечёт за собой тревожную неизвестность. — Есть, товарищ генерал, — скороговоркой по уставу ответил Липницкий, неуклюже повернувшись.

Он был полноват, военной выправки не доставало. И бойкая фраза никак не соответствовала его движению. Это тотчас заметил генерал. Липницкий в ожидании остановился против стола, внимательно глядя в широкое, скуластое лицо генерала.

— На стадионе «Динамо» есть лыжня? — по-простому спросил генерал.

— Так точно, есть, — отрапортовал Липницкий. — Это хорошо, — удовлетворительно произнёс генерал, направился к окну и отодвинул тяжёлую штору.

Липницкий рассмотрел его крепкую, подтянутую, спортивную фигуру. А генерал был в преклонных годах.

— С юности люблю лыжню, — благостно, доверительно сказал генерал, — а служба на Севере, пристрастился к утренним пробежкам в выходные. Причём в любую погоду, — продолжал он, напирая на гласную букву «о». — День завтра обещает быть солнечным, морозным. Снежок у вас выпал хороший. Организуешь?

— Так точно, — бойко ответил Липницкий, но волнение не проходило.

Он лихорадочно соображал, а есть ли лыжня на старом стадионе «Динамо». Хотел даже высказать своё сомнение, но так и не решился.

— Я подъеду часам к девяти утра. Привык рано вставать, — генерал снисходительно улыбнулся

Липницкому. — До завтра, идите. Нет, постоит, — спохватился генерал. — Запишите мне ваш личный телефон, — и он придвинул по столу листок бумаги для заметок.

Липницкий старательно написал свой мобильный номер.

— Вот теперь идите.

— Есть, — ответил Липницкий, неуклюже повернулся и направился к выходу.

Генерал смотрел в окно, от которого веяло холодом.

Был он прислан приказом Министерства внутренних дел в родной город после тысяч дорог по матушке-России, возглавить областное управление. Вызван из Магадана, где он служил начальником последние десять лет...

Липницкий ехал на стадион «Динамо», и сомнения его усиливались. Стадион был старейшим в городе. Ещё мальчишкой Липницкий посещал секцию дзюдо. С ребятами занимался знаменитый тренер по имени Ким Васильевич, по совместительству офицер милиции, и, тренируя ребят, он создал на базе секции молодёжную организацию, на добровольных началах помогавшую милиции следить за порядком на улицах, в парках, танцевальных площадках города.

Другие ребята «кимовцев», так называли воспитанников Кима Васильевича, не любили, дразнили их «шестёрками ментов», но как спортсменов побаивались.

На самом деле эта организация готовила крепких парней, объединённых спортом и благородными идеями, для служения в милиции. Так и получалось. Многие воспитанники Кима Васильевича, отслужив армию, шли учиться в вузы МВД или сразу поступали на работу в органы.

Липницкий остановил машину у отдельно стоящего зала бокса и пошёл от него вперёд к основному серому зданию, в котором располагался легкоатлетический манеж, а за ним были подтрибунные помещения и открытый стадион. В проёме между залом бокса и манежем снег был расчищен. Это была площадка для занятий со служебными овчарками. Липницкий пошёл через площадку к летнему стадиону. За железными сварными воротами его взору открылось безжизненное заснеженное пространство. Трибуны с пластмассовыми

оранжевыми сиденьями были сплошь заметены снегом. Поле и беговая дорожка были укрыты ровным белым одеялом.

— Чёрт меня дёрнул! — выругался Липницкий.

Он обошёл здание, открыл дверь пристроенной «стекляшки», поприветствовал охранника и последовал в дирекцию стадиона.

Постучал.

— Заходи, что топчешься? — послышался грубый мужской голос.

Липницкий толкнул дверь. За маленьким столом сидел огромного вида человек, в котором угадывался бывший штангист.

— Извините, — сказал он, — я принял вас за другого человека. Чем могу служить, майор?

— А у вас на стадионе есть лыжня? — Липницкий ещё надеялся, что где-нибудь за трибунами тренируются лыжники.

— Нет, лыжни тут давно никто не прокладывает. Мы передали лыжную базу со всем оборудованием и инвентарём в специализированную школу.хлопотно, и нет денег на обновление инвентаря. Здесь, на «Динамо», остались штангисты, боксёры, борьба классическая, лёгкая атлетика. По вечерам до десяти арендуют зал теннисисты, айкидо, каратэ, — в общем, вся эта дрянь. А деньги люди платят, иначе бы они не арендовали. Парадокс: бокс бесплатно, штанга — тоже, борьба. Ходи, развивайся. Так нет же, подайте этакой модной заморской дряни, за деньги. И платят этим шарлатанам. Специалистов-то настоящих нет, ряженые. А нам что? Тоже неплохо. Аренда приносит кое-какой доход. Надо же содержать стадион. А вы что хотели?

— Можно я покатаюсь на лыжах у вас на стадионе по старой памяти? — для убедительности Липницкий добавил: — Лет пятнадцать назад я тренировался здесь... У Кима Васильевича.

— О-о-о, — взвредил штангист, — это был человек! Не только тренер — воспитатель, родной отец для ребятшек, — довольно подытожил он. — Покатайтесь, вспомните старые времена. Только... — усомнился большой человек и даже привстал.

— За это не переживайте, — не дал ему договорить Липницкий. — Я вокруг поля пробью лыжню, как раз там она всегда была. А завтра утром мы с генералом нашим на этой лыжне устроим соревнования.

— А что мне переживать? — улыбнулся богатырь. — Не мне потеть. Примем за честь таких важных гостей. Хорошо, я предупрежу охрану.

— Договорились, — Липницкий протянул руку для прощания и почувствовал, будто металлические тиски сковали на мгновение его ладонь.

Он вышел в полутёмный коридор и потёр ладонь об ладонь.

Выйдя на улицу, ослеплённый снегом, он как-то разом увидел всю предстоящую ночь. Испарина

выступила на его морщинистом лбу с большими залысинами. Он сел в машину, снял шапку, извлёк из кармана брюк скомканный платок и вытер пот. Затем достал телефон и позвонил.

— Алло. Здравия желаю! Чем занят?

— Выходной, с семьёй провожу время.

— А ты мне нужен, Терёхин.

— А по телефону нельзя поговорить? Меня могут не отпустить, дочка висит на шее.

— Дело важное. Об этом по телефону не говорят. Подъезжай к павильону номер восемь. Остановись в стороне.

Голос Терёхина изменился, погрубел:

— Ладно, через час буду.

— Мне нельзя терять время, — напирал Липницкий, — каждая минута на счету. Жду через пятнадцать минут. Скажи жене: срочный вызов, оперативные действия...

— Ладно, — Терёхин отключил телефон.

Капитан Валерий Терёхин прибыл через пятнадцать минут. Он вышел из машины и, озираясь по сторонам, пошёл к «жигулёнку» Липницкого. У Липницкого была и другая машина — новый «Фольксваген», который стоял в гараже тестя и использовался только на выходные, чтобы не искушать начальство.

Терёхин открыл дверь и рухнул на сиденье.

— Здорово! Что стряслось-то?

Капитан Валерий Терёхин был молодым участковым. На своём микрорайоне он знал, как и положено участковому, всё и всех. Особенно он специализировался на торговле. На его участке располагались мини-рынок, несколько павильонов и точек нелегалов из Кавказа. Терёхин с Липницким контролировали весь этот рынок торговли и покрывали перед надзорными ведомствами. А также не допускали криминал на свою территорию.

— Валера, мне нужна твоя помощь, — озабоченно глядя в лобовое стекло, начал Липницкий. — Сегодня после оперативного совещания новый генерал почему-то оставил меня в кабинете, будь он не ладен!

Капитан Терёхин напрягся. Он повернул узкое скуластое лицо с крючковатым носом к майору и вглядывался в него, играя желваками скул.

— Ну, в общем, он служил в Магадане и на выходных... — Липницкий выдавливал из себя слова, словно фарш из мясорубки.

— Василий Наумович, ты вызвал меня, я прибыл через пятнадцать минут, оставил семью, дочку, которая меня не видит, а ты мямлишь, как первоклассник на уроке.

— Не кипятись, всё нормально. Это не то, что ты подумал, — Липницкий стукнул его по колену тыльной стороной ладони. — Генерал спросил меня, есть ли на стадионе «Динамо» лыжня. Он на выходных в Магадане ходил на лыжах по утрам.

Он спросил, а я, не задумываясь, ответил: так точно, есть.

— Фух, — облегчённо выдохнул Терёхин, — напугал ты меня, Василий Наумович. Да на «Динамо» лыжни нет уже года три. База лыжная переехала на проспект Энтузиастов, в парковую зону. Новый спортивный комплекс построили.

— Да знаю, знаю я, Валера, по старой памяти отрапортовал.

— Позвони генералу: так, мол, и так.

— Куда я позвоню? — раздосадованно ответил Липницкий. — Телефона нет, да и не принято звонить начальству.

— А что ты собираешься делать? — насторожённо, не веря в свою догадку, спросил капитан.

— Я буду прокладывать лыжню на стадионе, — решительно сказал майор.

— А я тебе зачем?

— Надо всё организовать на высоком уровне — новое начальство. Нужна инфраструктура. Лыжи, ботинки к ним. Размер примерно сорок два — сорок три. Палки лыжные, конечно. Ещё тёплое помещение, чтобы переодеться генералу. Чай с бутербродами. На всякий случай горячительные напитки уровня «Хенниси» и водку. Генерал русский, а русские генералы пьют водку.

— И на всё это нужны деньги, — подхватил капитан Терёхин.

— Да, Валера, тысяч двадцать — двадцать пять.

— У меня денег нет, — отрезал капитан.

— Надо найти.

Терёхин развернулся на тесном сиденье к Липницкому и сделал очень удивлённые глаза.

— Не прошло недели, — шёпотом, картинно оглядываясь, членораздельно проговорил Терёхин, — мы собрали дань. Я же не могу прийти и сказать: ребята, нужны ещё деньги. Теперь для развлечения генерала. Все эти торгаши... они так нас ненавидят. Я подхожу и слышу иногда через тонкую стену павильона: опять этот мент идёт. А я делаю вид, что ничего не слышу.

— Валера, не иронизируй, — Липницкий посмотрел на часы. — Семнадцать десять. Магазины спортивные до двадцати, алкоголь до двадцати одного. Мне ещё надо съездить домой, взять свои лыжи...

Липницкий озабоченно вздохнул.

— А эти деньги, которые...

— Мы с женой купили, наконец, плазменный телевизор.

— А мы заплатили кредит за квартиру.

Минуто оба помолчали.

— Ладно, господин майор, — в раздумье проговорил Терёхин, — пойду к кавказцам, порошу за месяц вперёд, а с этой нищевратии возьму товаром: коньяк, соки, колбасу. Лыжи с ботинками я куплю, палки тоже. Генерал — он высокий?

— Выше некуда, прислали приказом министра.

— Я про рост говорю.

— Думаю, метр девяносто. Статный такой, большой мужик.

— Палки должны подходить под мышки лыжника, насколько я помню из школьной программы, — отчеканил Терёхин.

— А что делать с палаткой, Валера?

— Палатка не подойдёт, — капитан напряжённо соображал. — У меня есть один знакомый. У него небольшое предприятие, прокатывает профиль для пластиковых окон. Религиозный такой. У него семь или восемь детей. Каждый год он ездит за гармонией для души в монастырь, на Соловки, на семейном автобусе. Это такой дом на колёсах. Вот этот «автомод» нам нужен. У него есть долг передо мной, я помогал ему со сбытом, и, думаю, он не откажет. Правда зимой он на нём не ездит.

— Отлично, Валера, — облегчённо вздохнул Липницкий, ухватившись за эту идею. — Сверим часы: семь двадцать. Не забудь: лыжи, двое ботинок к ним, размер сорок два — сорок три. Нет, сорок три — сорок четыре. Палки под мышки на рост метр девяносто. Коньяк «Хенниси», водка — лучше «Русский стандарт» или «Путинка». Это подчеркнёт наш патриотизм. Соки, хлеб белый, колбаса «Охотный ряд», палка «Австрийской», икра красная, масло сливочное под икорку. Чай в термосе, качественный «Гринфилд». Автомод. И в восемь тридцать утра — к северной трибуне. А лучше пораньше.

— Есть, товарищ майор.

— Не подведи, капитан. Это нужно мне. А если у меня всё будет хорошо, то и у тебя всё будет.

Липницкий протянул руку.

— На связи в любое время суток. Успевай в магазины.

Терёхин пожал холодную руку товарища и побежал к своему автомобилю.

Дверь новой квартиры открыла жена Липницкого Мария.

Ремонт ещё не закончили, висели на потолке лампочки на проводах, но было просторно в коридоре, пахло ужином и уютом...

Хотелось отдохнуть. Это обычное чувство испытывал Липницкий, приходя домой, но мысли крутились в голове. Он, не раздеваясь, прошёл на балкон, заставленный коробками, ящиками с инструментом, остатками плитки, вёдрами из-под краски. Лыжи стояли в самом углу шестиметровой лоджии. Жена молча наблюдала за мужем. Она не задавала много вопросов, зная, что служба требует полной отдачи, иногда в ущерб семье.

Пробираясь за лыжами, Липницкий выругался. — А для чего тебе лыжи понадобились? — спросила жена, видя раздражение мужа.

— Сегодня не обычное дежурство, — соврал Липницкий. — Вышли на след организованной преступной группировки наркоторговцев, которые

скрываются в лесу, в заброшенной охотничьей сторожке. Решили идти брать бандитов не на автомобиле, чтобы не спугнуть светом фар, звуком машины, а через лес, небольшой группой на лыжах. Машину оставим на трассе с патрульной бригадой дпс.

— А как же вы будете одеваться?

— Маша, ну что ты спрашиваешь?—раздразжался Липницкий.—Мы полувоенная организация. У нас есть в наличии спецодежда. Белая, маскировочная, комбинезоны такие, знаешь...

— Ты хоть свитер шерстяной возьми, носки вязаные,—встревожилась жена, бросилась собирать вещи и уже из комнаты спрашивала:—А они вооружены, бандиты эти?

— По данным наблюдений, вроде бы нет,—равнодушно ответил Липницкий.

— А почему спецназ не посылают?—справедливо заметила Маша.

— В управлении хотят отличиться, себе плюсики поставить. Новое начальство,—совсем заврался Липницкий.

Поужинав, Липницкий прилёг на диван перед телевизором рядом с женой и младшим сыном, пятилетним Серёжей. Он любил, уставший, под звуки телевизора и непрестанные разговоры Серёжи с Машей уснуть. Ему не нужна была тишина, а нужны вот эти привычные, родные голоса и звуки.

Он проснулся, когда Маша в спальне уже укладывала Серёжу, читая ему на ночь сказки.

Липницкий выпил чаю с бутербродами. Налил термос с горячим кофе, завернул бутерброды, взял приготовленные в пакете свитер, тёплые носки, варежки, спортивную лыжную шапочку (где-то нашла её жена), выставил лыжи с ботинками в подъезд, скрипнув дверь, оделся и вышел.

Часы показывали десять тридцать вечера. Липницкий запустил двигатель. Температура минус восемь. Пока прогревался двигатель, Липницкий привязал лыжи на верхний багажник «жигулёнка». Позвонил Валера Терёхин и радостным голосом отрапортовал:

— Всё успел, Василий Наумович, можешь не волноваться. Завтра на автобусе приедем вместе с приятелем. Он молится за тебя и говорит: Бог в помощь.—Валера, зачем ты всех посвящаешь?!—закричал Липницкий.

— Но мне же надо было объяснить человеку. Он сказал, что нет власти не от Бога, поэтому надо подчиняться. И жена его за тебя молится.

— Терёхин, чёрт тебя возьми!

— Ладно, ладно,—громко засмеялся капитан,—всё в порядке. Автодом откопали от снежного плена, заправили, и он завёлся. Готов в путешествие,—Терёхин был очень доволен собой.—Приборы, сервировка стола, даже кровати есть: если генерал устанет, он может отдохнуть, поспать, а мы его подождём.

— Да уймёшься ты или нет?—уже раздражался Липницкий.

— Ладно,—подытожил Терёхин.—В восемь тридцать мы с рабом Божьим Александром у северной трибуны,—и крикнул вдогонку:—Если будет тяжело, позвони, мы приедем, поможем,—но Липницкий уже не слышал, он отключил телефон.

В городе машин было много, а на подъезде к стадиону было безлюдно.

Старый корпус выглядел сумрачно с большими тёмными окнами. Липницкий постучал в «стекляшку» у главного входа. Дверь отпер охранник.—Я договаривался покататься на лыжах вокруг поля стадиона.

— Давай-давай, я в курсе, меня предупредили,—формально ответил охранник, из-за спины которого доносились звуки работающего телевизора, слышались выстрелы и крики.

Липницкий поехал к северной трибуне.

На площадке для дрессировки собак виднелись бум для учебного прохождения, лестница, стенка со сквозным окном, которые он днём почему-то не заметил.

Налево виднелись вход в подтрибунное помещение и, чуть в стороне, открытые ворота на стадион. Липницкий оставил машину, прошёл через ворота. От снега было довольно светло. Слева блестел тоненький серп месяца, вправо от него, по земным меркам метрах в тридцати, горела яркая звезда.

Молодой месяц, понял Липницкий по тому, как его учила бабушка: если месяц кажет букву «С»—это значит, старый, Луна на убыли; если наоборот—месяц молодой.

Всё было замечено снегом. Ограждения стадиона были покрыты овальными покрывалами. Сама чаша была ниже и напоминала огромную плоску, на беговых дорожках были видны снежные кружевные перемёты с острыми краями наверху.

Липницкий решил переобуться в лыжи и начать лыжную трассу уже отсюда, от ворот, чтобы была возможность подойти к основной лыжне.

Пришла смс-ка: «Вася, ты даже не попрощался! Знай, я люблю тебя, и Серёжа, и Слава. Он, кстати, уже дома, пришёл. Ни о чём не волнуйся, береги себя».

Снег оказался глубже, чем Липницкий предполагал. Уже сформировался наст, его твёрдая, схваченная морозом поверхность крошилась под тонкими лыжами, и нога проваливалась по самую голень. Там, где встречались перемёты, снег был слоистый, твёрдый, и приходилось пробивать его силой своего веса. Палки с треском проваливались и застревали в жёстком настe. Движения лыжника были неестественными, он то проседал ногами в снег, то шёл по поверхности, пытаясь палками крошить слоистый твёрдый снег. Всё это

сопровождалось частым дыханием, выходявшим изо рта паром и потрескиванием ломающегося и крошащегося наста.

Пройдя метров тридцать, Липницкий остановился и осмотрелся. За ним шлейфом тащился след взлохмаченного снега, совсем не походившего на лыжню. Он запыхался. «Одному будет тяжело», — подумал Липницкий обречённо.

Но делать было нечего, он двинулся дальше. То проваливаясь, то поднимаясь, он закончил четырёхсотметровку. Силы оставили его. Он даже не посмотрел на проделанную работу, двинулся к машине. Да здесь нужно пройти ста человекам, чтобы получилась лыжня, соображал Липницкий. Столько же ему надо пройти кругов одному. Это по накатанному снегу тяжело, а по тому снегу, что он оставил сейчас после себя?..

Липницкий снял лыжи, забрался в машину и посмотрел на часы. Один час пятнадцать минут работы.

— Я могу не успеть, — вслух проговорил он.

Он открыл термос, налил кофе, развернул бутерброды и жевал, запивая горячим напитком. Силы возвращались к нему. «Всё равно мы тебя обманем», — вспомнил он слова своего покойного отца, когда тот делал что-нибудь, а у него не получалось, а маленький Липницкий наблюдал за отцом. — Всё равно мы тебя обманем, — произнёс Липницкий вслух.

Второй круг был таким же трудным, но времени он на него затратил значительно меньше. Твёрдости под лыжами всё ещё не было, палки застревали, карябая наст, но шёл он уже широко и немного был похож на лыжника.

На угол выходил охранник, курил, отворачиваясь от ветра, и с любопытством глядел на одинокого человека, преодолевающего снежную стихию.

Липницкий упрямо двигался вперёд. Он уже не видел ничего и никого. Холодный воздух входил в его лёгкие, студил лицо, покрывшееся инеем на бровях и ресницах. Шарф на шее тоже белел застывшим от мороза паром.

Если генерал узнает, что это он, Липницкий, в одиночку проложил для него лыжню на этом стадионе, он совершенно по-особенному будет относиться к нему. Может быть, будет продвижение по службе, возможно, он приблизит его к себе, думал Липницкий на шестом круге.

На восьмом круге, когда стала вырисовываться лыжня, он подумал о медали, такой медали, которая бы дала ему возможность впоследствии иметь льготы. Мысли уже путались, сердце колотилось и в груди, и в висках, и хотелось только одного — скорее закончить с этой чёртовой лыжнёй.

На девятом круге лыжня твердела, ровнялась. Палки прибились к снегу, утрамбовали его. Липницкий уже отталкивался ими и катился, отдыхая на коротких отрезках.

Дело было сделано. Светало. Над широкой панорамой заснеженного стадиона, на западе, небо было чистым и холодным, но из-за горизонта с противоположной стороны подкрадывалась сиренево-оранжевая заря. Она, словно золу, сметала веником звёзды, подбираясь к бледнеющей луне.

Липницкий осмотрел дело рук и ног своих. Лыжня, подсвеченная тусклым небом, выглядела рельефной и ровной. Липницкий снял ненавистные лыжи и пошёл к машине. Он чувствовал себя на ногах так, как, вероятно, чувствуют себя только что приземлившиеся космонавты. Он словно вновь учился ходить.

Липницкий завёл машину, флажок бензобака предательски горел, денег на бензин не было. Вентиляторы гнали воздух на оледеневшие руки и лицо, подавая воздух в салон автомобиля. Липницкий почувствовал, как он устал. Часы показывали шесть пятнадцать. До девяти оставалось чуть меньше трёх часов. Липницкий извлёк из кармана телефон, положил его на сиденье пассажира, заблокировал двери, отодвинул кресло, откинул его и закрыл глаза. Он решил уснуть.

Ему снились две большие чёрные лохматые разъярённые собаки, гнавшиеся за ним с рыком и оскалом больших острых белых зубов. Липницкий чувствовал под ногами твёрдую лыжню, он ощущал её всем телом, ловко попеременно отталкиваясь и опираясь на палки о примятый ровный снег. Испортят, испортят лыжню своими лапищами с когтями, изомнут, изруют, пронеслось в голове у Липницкого. Изгадят работу. Но останавливаться было нельзя, собаки храпели за его спиной. Сделалось жарко от быстрого хода по лыжне, сердце колотилось под самыми ключицами. На повороте у западной трибуны его занесло, он потерял равновесие и, задрав вверх левую ногу и левую руку с палкой, боком повалился на снег, а через секунду услышал и почувствовал густое тёплое дыхание, храп прямо у своей шеи и... проснулся.

Двигатель заглох, окна машины были залеплены снегом, и через них ничего не было видно.

Липницкий в страхе выскочил из машины. Валил медленный, крупными хлопьями, снег. Он уже покрыл капот «жигулёнка», крышу на пару сантиметров.

Липницкий побежал к металлическим воротам. Колеи лыжни были припорошены ровным, бархатистым слоем овального снега, словно приготовлены для торжественной презентации. Липницкий сплюнул, изругался и тотчас услышал из машины глухой звонок оставленного на сиденье телефона. Липницкий бросился к автомобилю, рванул дверь, схватил звенящий телефон и нажал кнопку.

— Алло, — сказал он запыхавшимся голосом сквозь бьющееся сердце, стараясь сохранять спокойствие. — Алло?

— Майор, доброе утро, — голос генерала был благостный и тихий.

— Здравия желаю, товарищ генерал, — переводя дух, ответил Липницкий.

— Как у тебя дела? — неторопливо, но заинтересовано спросил только что проснувшийся генерал. — Всё готово к вашей прогулке, товарищ генерал, лыжня хорошая, есть где переодеться, чай, бутерброды, напитки, — Липницкий говорил, а сам смотрел на часы.

Было восемь тридцать утра — сейчас приедет тёплый автобус...

— Знаешь, майор, — перебил Липницкого генерал, — сегодня не получается покататься. Мы решили с женой провести это утро дома. Так что отбой.

И послышались короткие гудки.

Из-за поворота с включёнными фарами выезжал необычный для города автобус, тот самый автодом, и направлялся к занесённому снегом «жигулёнку» Липницкого. Он остановился, и из него выскочил весёлый Терёхин, за ним мужчина лет пятидесяти, долговязый, с выпирающим животом. А из боковой двери чудо-автобуса вышла женщина в платке, подвязанном под подбородок, в длинной юбке до самых пят и шубке.

— Это раб Божий Александр, — поочерёдно представлял их капитан Терёхин, — хозяин автобуса, а это его жена, раба Божья Иулия. Она любезно согласилась приготовить еду для нашего высокого гостя.

— Зачем вы себя утруждаете? — заговорил было, извиняясь, Липницкий.

— Вера без дел мертва, — ответила, смущённо улыбаясь, Иулия. — Мы так спасаемся, слава Богу за всё. — Слава Богу, слава Богу, — повторял Терёхин, беря под руку майора. — Ты посмотри, как они всё приготовили, можно премьер-министра принимать. Да что премьер-министра — можно президента Путина, не стыдно будет.

Он распахнул боковую дверь, и Липницкий заглянул в глубь автобуса.

— Очень удобный, все есть для жизни в этом автобусе.

— А главное — тепло, — подталкивал Терёхин Липницкого войти внутрь, но тот упирался.

— Здесь действительно всё есть, вы пройдите. Когда Саша едет на Соловки, я совершенно спокойна. — У тебя как с лыжнёй? Успел?

И Терёхин побежал за ворота на стадион. Водитель автобуса отправился вслед за ним.

— Да ты монстр, Василий Наумович! — кричал, возвращаясь, Терёхин. — Неужели один пробил трассу? Тебя надо от мвд на Олимпиаду отправить. Устал, Василий Наумович?

— Ребятя, — тихо сказал Липницкий, — отвезите меня домой, у меня закончился бензин, и я смертельно хочу спать. Спасибо вам за отзывчивость и оперативную помощь.

— А генерал как же? — смущённо спросила Иулия. — А генерал позвонил только что и сказал, что решил провести это утро в кругу семьи, — Липницкий виновато улыбнулся.

Все помолчали.

— Б...дь, — выругался Терёхин. — Ой, извините, — спохватился он.

— На всё воля Божья, — тихо сказала Иулия. — Вы всё сделали, что могли, и ваша жертва зачтётся у Господа.

Вдалеке стоял охранник, смотрел и молча курил...

Липницкий осторожно открывал дверь квартиры своим ключом, чтобы не разбудить семью. Но жена уже ждала его в коридоре. Была она не причёсана, с мешками под глазами. «Я идиот», — подумал Липницкий, а вслух сказал:

— Не спишь?

— Жду тебя, Вася, — помогая снимать обувь с ледяных ног мужа. — Как всё прошло? Арестовали преступников?

— Да, Маша, взяли с поличным и доставили в отделение. Операция прошла успешно, без потерь для личного состава...